

5-го Сентября пожар с двух сторон угрожал Кузнецкому мосту: со отороны горевшей уже Петровки и с Малой Лубянки. Жители оставляли свои дома и лавки, спасая по возможности имущество. Многие удалялись изъ города, предаваясь покровительству Французскихъ войск; другие, в основном иностранцы и жители Немецкой слободы, толпились на дворе и в зданиях Латинской церкви Св. Людовика. „Там господствовало глубокое отчаяние,- говорит настоятель той церкви аббат Сюрюг, остававшийся въ это время в Москве.- Собравшиеся там несчастные изгнанники из своихъ жилищъ, с узлами в руках, отчаявались в спасении и желали от меня исповеди. Я просил повременить, обещая преду-предить их, когда настанет время. Я отправился на место опасности и достиг его, осыпаясь искрами и головнями. Только помощь Праведная могла спасти насъ; Она внушила мужество в роты гренадеров, находившихся в этой местности, вооружиться ведрами и поливать крыши домов, наиболее подвергавшихся опасности, и с такою деятельностью, что им удалось остановить пожар. Это спасло целую местность, единственную вполне уцелевшую от пожара во всем городе , именно Кузнецкий мост, Рождественку, обе Лубянки, Почтамт, Банк, Чистые пруды, часть Покровки, между бульварами, и Моросейку". Конечно подобные меры могли оказать помощь, но, вероятно, лишь не надолго, если бы в это время ветер не переменил на-правления и не направил огненного моря в другую сторону, где пожар не утихал, но распространялся,

Ниже я приведу пример из воспоминаний очевидцев московского пожара, двух француженок, как подтверждение слов аббата Сюрюга.

В этот день две француженки, помещавшиеся на Басманной в доме князя Голицына, отправились въ Петровский дворец, чтобы выпросить себе охранную стражу. „Незабвенный для меня день (говорить одна из них), когда

мы предприняли эту поездку. Когда мы отправлялись, дом наш был в совершенной целости, и не было даже признаков огня в соседних улицах. Дочь моей спутницы, тринадцати лет пятая девочка, которая находилась с нами, видала пожары только издали. Первый, который ее поразил, был у Красных ворот. Мы намеревались ехать обычною дорогою по Садовой; но не было возможности пробраться посреди огня. Мы повернули к Тверской, там пожар был еще сильнее. Наконец мы достигли до Вольшаго Театра. Невозможно описать, какое тут зрелище представлял пожар. Это была бездна пламени. Годовой запас дров находился подле самага театра, который был деревянный, и можно понять, какая была пища для пламени. Мы повернули направо, в ту сторону, где, казалось, менее свирепствовал пожар; но когда мы проехали половину улицы, сильный порыв ветра направил пламя с одной ея стороны на другую, так что образовался огненный свод. Это может показаться преувеличенным, но это сушая правда (*Гехacte verite*). Мы не могли двинуться ни назад, ни вперед, ни в сторону. Приходилось возвращаться назад тою же дорогою. Но по ней все более и более распространялся пожар. Головни падали на наши дрожки, и мы так сильно чувствовали дыхание пламени, что оно становилось невыносимо для нас и для лошадей. Мы пустились вскач, и нам удалось доехать до Садовой. Мы возвращались в свою улицу, довольныя тем, что могли дать отдых глазам, пзнемогавшимъ от пыли и жара. Никогда не изгладится из моей памяти то зрелище, которое открылось перед нами. Этот дом, в который мы надеялись спокойно возвратиться, который час тому назад стоял цел—уже объят был пламенем. Вероятно его недавно подожгли, потому что те, которые помещались во флигеле, не замечали еще пожара. Крики девочки, бывшей с нами, обратили их внимание. Этот ребенок совершенно потерял голову; она кричала: Спасайте мою мать, спасайте все; Боже мой, мы погибли! Эти крики и вид пожара разрывали мне сердце".

Воспоминания аббата Сюрюга

Воспоминания м-ль Фюзи «L'incendie de Moscou» стр. 14-15.

Дом князей Голицыных на Ст Басманной